

Г. М. Резник²

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ: ДИАЛОГ С ПРОШЛЫМ

Юридические нормы действительны тогда, когда не только воплощены в законодательстве, но и поддерживаются массовой моралью, находят опору в правовой культуре общества. Современное международное право включает в себя, наряду с принципами взаимоотношений между государствами, также принцип уважения прав и свобод человека. Устав ООН и Всеобщая декларация прав человека, где впервые заявлялось о решимости всех стран утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, были приняты непосредственно (26 июня 1945 г.) и вскоре (10 декабря 1948 г.) после окончания Второй мировой войны государствами с различной культурой, правовыми традициями, политическими режимами, многие из которых даже не помышляли эти права соблюдать.

Имплементация международных норм в области прав человека в национальное законодательство и их реализация в правоприменительной практике целого ряда стран, на первых порах ритуально присоеди-

нившихся к Уставу, Декларации и Пактам, проходило и проходит весьма болезненно. В России также далеко не всегда смысл применения законов определяется в соответствии с Конституцией РФ правами и свободами человека. Приоритетными оказываются иные ценности, укоренившиеся в историческом опыте взаимоотношений индивида и власти, — примером чему может служить принцип презумпции невиновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

У презумпции невиновности (ПН), ныне ставшей общепризнанной правовой нормой, возведенной в Российской Федерации в ранг конституционного принципа, нелегкая судьба. Впервые появившись в Декларации прав человека и гражданина 1789 года, она не была принята правоведами и полностью нашла выход в правосудии лишь спустя многие десятилетия.

Формулировку ПН долгое время считали лишённой логического и юридического смысла и расценивали как препятствие в борьбе с преступностью. На территории Европы вплоть до 1870 года действовало средневековое уголовно-судебное уложение императора Карла V 1533 года — «Каролина». ПН не была закреплена в Судебных уставах 1864 года, хотя они и ввели в отечественное уголовное судопроизводство состязательное начало и суд присяжных.

Советское уголовно-процессуальное право отвергло ПН как в теории так и на практике. Профессор М. С. Строгович, заговоривший о ПН в послевоенные 1940-е годы, подвергся суровой критике. При принятии Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года ПН с трибуны Верховного Совета СССР была объявлена «обветшалой догмой буржуазного права», неприемлемой для советского социалистического правосудия.

Критики ПН указывали на ее несовместимость с целью уголовного судопроизводства — достижением

² Президент Адвокатской палаты Москвы, профессор кафедры адвокатуры Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, кандидат юридических наук, заслуженный юрист России. Автор более 300 публикаций по проблемам теории права, уголовного права и процесса, криминологии, в т. ч. монографий: «Внутреннее убеждение при оценке доказательств», «Когда наступает ответственность», «Конституционное право на защиту», «Честь. Достоинство. Деловая репутация: споры с участием СМИ» и др. Член Общественной палаты РФ. Вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов. Член Совета по вопросам совершенствования правосудия при Президенте РФ. Награжден Золотой медалью им. Ф. Н. Плевако, знаком общественного признания «Символ Свободы» Союза журналистов России. Почетный доктор СПбГУП.

объективной, материальной истины, понимаемой как полное и точное соответствие действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах расследуемого и разрешаемого дела, о виновности или невиновности привлекаемых к уголовной ответственности лиц. И действительно, только с позиции закономерностей процесса познания трудно оспорить, например, такое утверждение: «обвиняемый в уголовном деле не является ни виновным, ни невиновным; он потому и обвиняемый, что уличается в совершении преступления вескими доказательствами, но окончательный вопрос о его виновности еще не разрешен».

Между тем, ПН имеет значение не только в области доказывания — она явилась принципом, определившим наиболее существенные требования, которым должно отвечать справедливое уголовное судопроизводство.

Изначальная формулировка ПН в ст. 9 Декларации прав человека и гражданина: «Поскольку каждый считается невиновным, пока его вина не установлена, то в случаях, когда признается нужным арест лица, любые излишне суровые меры, не являющиеся необходимыми, должны строжайше пресекаться законом», — предподносит право обвиняемого считаться невиновным как нечто само собой разумеющееся, делая акцент не на вытекающих из ПН распределении бремени доказывания и правиле толкования сомнений, а на недопустимости произвольного ареста и карательного воздействия при предварительном тюремном заключении.

Декларация 1789 года решительно порывает с «мрачным взглядом на человеческую природу» (К. Маркс) средневековой церкви и утверждает идею «естественных, неотчуждаемых и священных прав человека», забвение которых или пренебрежение ими, по мысли творцов Декларации, является «единственной причиной общественных бедствий и испорченности правительств». Мрачный взгляд на человека лишь как средство, орудие в каких-либо целях, был привнесен в инквизиционный уголовный процесс позднего феодализма, поставившего задачу поиска материальной истины и сделавшего универсальным инструментом ее достижения пытку.

При анализе инквизиционного судопроизводства нередко приходится сталкиваться с упрощенчеством и искажениями. Сам переход уголовного процесса от ранне-обвинительного с его поединками и ордалиями (пытками огнем, водой, холодом и т. п.) к розыску виновного по следам, оставленным преступлением в сознании людей и объективной обстановке, был, безусловно, прогрессивным. Средневековые юристы-гlossаторы вовсе не были садистами и извергами. Они присягнули на верность материальной истине, едва ли не обожествляли ее. Но на пути ее установления столкнулись с недостаточной надежностью улик, которые, с одной стороны, в большинстве представляют собой свидетельства людей, а с другой — бесконечно разнообразные события, факты, состояния из различных сторон жизни тех же людей. И совершили принципиальную ошибку, взявшись преодолеть субъективную, человеческую составляющую судебных доказательств и изгнать субъективизм из оценки доказательств судья-

ми (опять же людьми!), построив так называемую систему формальных доказательств. Значение каждого доказательства в этой системе было заранее определено самим законом, — полным доказательством считались, например, согласные показания двух незаинтересованных свидетелей, а совершенным провозглашалось сознание обвиняемого.

И опять же клеймить glossаторов за их взгляд на возможность установления истины в уголовном процессе «с ходу» не следует. Признание сознания обвиняемого «царицей доказательств» покоилось на совершенно правильном наблюдении, что люди вообще не склонны себя оговаривать. И если при наличии обоснованного подозрения человек не сознается в совершении преступления, его следует хорошенько попытать. Важно отметить, что пытка в инквизиционном процессе служила не инструментом фабрикации уголовных дел выбиванием показаний у заведомо невиновных, как это было при сталинском тоталитаризме в годы массовых репрессий, — с ее помощью средневековые судьи действительно стремились постичь истину, преодолеть недостаточное совершенство средств доказывания прошлых событий, полностью исключить судебную ошибку. Пытка не применялась абы к кому. Для этого должны были существовать серьезные основания. И одно голое вырванное пыткой слово «сознание» доказательством не считалось.

Согласно упомянутой выше «Каролине», например, никакая совокупность косвенных улик и даже согласные показания двух «добрых» свидетелей не могли повлечь осуждения и служили лишь основанием для допроса под пыткой. А выявить допросом надлежало так называемую виновную осведомленность — сообщение таких обстоятельств произошедшего, которые не могли быть известны невиновному: «Того, кто сознается в преступлении, надлежит допрашивать о таких обстоятельствах дела и признаках истины, о которых невиновный не мог бы ничего знать или сказать; при этом надлежит записать, насколько отчетливо рассказывает обвиняемый о таких обстоятельствах. Если допрашиваемый дал показания о том, каким образом и при каких обстоятельствах было совершено преступление, как было указано выше, и именно эти обстоятельства будут обнаружены, то тогда можно вполне заключить, что он действительно совершил признанное им преступление, в особенности, если он рассказал о таких обстоятельствах, случившихся при этом событии, которые совершенно не могли быть известны невиновному» (Каролина, LIII–LIV). Согласимся, планка для осуждения выше некуда.

Последовательно проводилась идея материальной истины в инквизиционном процессе и в вопросе оправдания. Таковое не исключалось, но могло произойти лишь в случае положительного доказывания невиновности, например установления алиби. В случае же недоказанной виновности, то есть обнаружения некоторых данных, навлекающих на лицо подозрение, но недостаточных для достоверного суждения, обвиняемый не оправдывался. В полном согласии с результатами познавательного процесса средневековый суд выносил три приговора: 1) виновен; 2) не виновен; 3) оставлен

в подозрении. Принцип материальной истины и здесь торжествовал: с точки зрения закономерностей чистого исследования недоказанный факт не приравнивается к факту несуществующему. А поскольку невиновность, как и любой отрицательный факт, крайне редко поддается положительному доказыванию, приговоры об оставлении в подозрении преобладали, достигая, по некоторым данным, 80 %. В итоге многие сотни тысяч отпущенных на волю людей до конца жизни носили клеймо неразоблаченного преступника.

Покончить с пытками, удалить из правосудия фигуру вечно подозреваемого можно было только признав приоритет прав человека, достоинства личности над раскрытием преступления, сказав «нет» принципу «истина во что бы то ни стало». Эту задачу решила ПН — покуда вина человека не доказана, он полноправный гражданин страны. Но след оставления в подозрении долго не исчезал из процессуального законодательства, сохраняясь в таких формулировках оправдания, как «ввиду недостаточности улик» или «за недоказанностью» и питая мысль о неудаче в изобличении вероятнее всего виновного лица. В России с такими основаниями оправдательного приговора расстался лишь ныне действующий уголовно-процессуальный закон, заменивший «недоказанность» на «непричастность к преступлению».

ПН обусловила развитие важнейших правовых институтов, детально регламентированных в наше время международными и внутренними нормативными актами:

— переход от инквизиционного (розыскного) процесса к состязательному с разделением функций обвинения, защиты и решения дела;

— наделение лица, привлекаемого к уголовной ответственности, правом на помощь профессионального защитника и в тех случаях, когда он не в состоянии оплатить его услуги;

— запрет использовать арест в целях оказания давления на обвиняемого.

Обо всем этом нелишне вспомнить именно сейчас, когда атаку на ПН предпринимает Следственный комитет РФ. Предлагается ввести в уголовное судопроизводство принцип объективной истины и вернуть норму советского уголовно-процессуального закона о возвращении судом дела на следствие по мотивам неполноты предварительного следствия.

Суд, столкнувшись с тем, что прокурор не доказал виновность обвиняемого и возвращая вместо постановления оправдательного приговора уголовное дело следователю для сбора дополнительных доказательств, тем самым превращается в обвинителя.

ПН ошутимо проросла у нас пока только в суде присяжных, где выносятся до 20 % оправдательных приговоров. Профессиональный суд оправдывает всего 1 % обвиняемых. Но и этот жалкий процент «травмирует» наши следственные органы. Жива память о советском правосудии, из которого на 20 лет — до 1987 года — оправдательные приговоры напрочь исчезли, сохранились лишь как отдельные реликты. Оправдание заменяло возвращение дела на следствие: там дела с недоказанной виновностью тихо умирали, причем большей частью по нереабилитирующим основаниям. Считалось, что оправдание человека в открытом судебном разбирательстве умаляет престиж правоохранительных органов. Так же расцениваются оправдательные приговоры и в нынешних прокурорской и следственной системах. Ведомственные интересы, как ни печально, способны подмять права и свободы человека. Возврат к советской розыскной модели уголовного процесса де-факто ликвидирует ПН, так как устранит возможность человека отстоять свою невиновность в суде. Но, как писал Ш. Монтескье, «если не ограждена невиновность граждан, то не ограждена и свобода».

Расставание с дурным наследием советского неоинквизиционного уголовного процесса требует изменений в психологии служителей правосудия и правовой культуре общества.